

TOXIC LOVE

A man and a woman are shown in a close, tense interaction in an office at night. The woman, on the left, has long dark hair and is wearing a light-colored, long-sleeved blouse and a dark skirt. She holds a folder and looks up at the man with a concerned expression. The man, on the right, is muscular, has dark hair, and is wearing a dark, long-sleeved button-down shirt. He looks down at her with a serious, intense expression. The background shows a city skyline at night through a window, and a desk with papers and a laptop is visible.

Джон Запретный

18+

Джон Запретный

Toxic Love

<https://litres.ru/74616073>

SelfPub; 2026

Аннотация

Настя не искала приключений. Она пришла на корпоратив, усталая от серой жизни, и даже не думала, что той ночью всё изменится. Матвей заметил её первым. Властный, красивый, с руками, которые умеют причинять боль. Он предложил контракт. Она подписала. Не думала, что правила «не звонить первой, не спрашивать о прошлом» станут её клеткой. Он шантажировал, контролировал, требовал уволиться. Она бежала, но возвращалась. Потому что его тьма была такой же, как её собственная. Он потерял жену и сына. Она потеряла себя. Сможет ли она уйти, когда он снова прикоснётся? Или останется, зная, что он никогда не отпустит? Это роман о боли, страсти и выборе, который уничтожает. О любви, от которой хочется выть. О яде, который мы пьём добровольно. Тысяча оттенков тьмы, один токсичный рассвет.

При подготовке текста использовались нейросеть DeepSeek.

Содержание

Стекло	4
Кофе без сахара	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Джон Запретный

Toxic Love

Стекло

Отель назывался «Сосновый бор», хотя сосен вокруг не было. Только берёзы, мокрые от недавнего дождя, и парковка, забитая машинами с корпоративными наклейками. Настя вышла из такси, поправила платье. Тёмно-синее, почти чёрное, с открытой спиной. Она купила его три года назад на распродаже и надевала дважды. Оба раза жалела.

Воздух пах сыростью и чьим-то дорогим парфюмом, который шлейфом тянулся от входа. Она прошла через холл, кивнула администратору, нашла банкетный зал по звуку. Музыка играла негромко, кто-то смеялся слишком громко, кто-то уже держал бокал. Настя взяла свой у стойки. Белое вино. От красного у неё болела голова, а от крепкого она покрывалась пятнами. Она знала это с девятнадцати лет, когда выпила полбутылки дешёвой водки на дне рождения однокурсницы и провела ночь в обнимку с унитазом. С тех пор она пила мало. Осторожно. Как будто извинялась за то, что не умеет.

Коллеги уже распределились по углам. Бухгалтерия сбилась в кучу у окна, отдел маркетинга занял диван, разработчики стояли у бара и спорили о чём-то своём. Настя ни к ко-

му не подошла. Она вообще плохо вписывалась в корпоративы. Слишком тихая, слишком трезвая, слишком внимательная к деталям, которые другим казались неважными. Она замечала, у кого дрожит рука, кто слишком часто смотрит в телефон, кто пьёт быстрее всех. Это не делало её душой компании.

Она села за высокий столик у стены. Отсюда было видно всех. Вино она поставила на салфетку, чтобы не оставить кольцо на тёмном дереве. Привычка из детства. Мать всегда ругалась за круги на мебели.

Прошло минут двадцать. Настя выпила половину бокала. Вино было кислым, но холодным. Она смотрела в телефон. Лена прислала три сообщения: «ну как там», «скучно?», «я знала, что ты сбежишь через час». Настя не ответила. Потом Лена позвонила. Настя сбросила. Написала: «перезвоню». И всё.

Она подняла глаза. И увидела его.

Он стоял у бара. Не пил. Просто стоял, положив локоть на стойку. Тёмный костюм, без галстука, рубашка с закатанными рукавами. Предплечья широкие, с венами. Такие руки бывают у тех, кто много работает физически или много держит в руках что-то тяжёлое. Или кого-то. Он не смотрел на неё. Смотрел на зал. Как будто пересчитывал. Как будто проверял, всё ли на месте.

Настя отвела взгляд. Слишком быстро. Она сама это почувствовала. Слишком быстро, как будто её поймали. Она

сделала глоток. Вино уже не казалось холодным.

Через минуту он оказался рядом. Не подошёл, не подсел. Просто оказался. Как будто всегда там стоял. Настя не слышала шагов. Музыка была негромкой, но всё же.

«Вы не пьёте», сказал он.

Не вопрос. Констатация. Голос низкий, спокойный. Без акцента, без лишних нот. Настя посмотрела на свой бокал. Половина. Она не знала, что ответить. Сказать «пью» было глупо. Сказать «не хочу» было слишком честно.

«Я за рулём», соврала она.

Он кивнул. Не поверил. Она поняла, что он не поверил, по тому, как он посмотрел на её руки. Без кольца. Без ключей. Без ничего, что могло бы подтвердить машину.

«Матвей», сказал он.

Он не протянул руку. Просто назвал имя. Как будто она уже должна была знать. Настя молчала секунду дольше, чем нужно.

«Настя».

«Знаю».

Она подняла бровь. Он не объяснил. Просто смотрел. Взгляд тяжёлый, внимательный. Как будто читал не по строчкам, а сразу по странице. Настя почувствовала, что краснеет. Это было унижительно. Она не краснела с восьмого класса, когда её вызвали к доске, а она не выучила теорему.

«Мы знакомы?» спросила она.

«Нет».

«Тогда откуда...»

«Неважно».

Он взял её бокал. Не спросил. Просто взял, понюхал и поставил обратно. Настя смотрела на его пальцы. Коротко стриженные ногти, чисто, без колец. На левой руке, у самого запястья, тонкий белый шрам. Старый. Она хотела спросить, но не стала.

«Здесь скучно», сказал он.

«Это корпоратив. Здесь должно быть скучно».

«Тогда почему вы здесь?»

Настя задумалась. Почему она здесь? Потому что директор сказал, что участие обязательно. Потому что она не хотела сидеть дома. Потому что Лена уехала к родителям, и квартира казалась слишком тихой. Потому что ей двадцать шесть, и она устала от того, что каждый вечер выглядит одинаково.

«Не знаю», сказала она.

«Хороший ответ».

Он улыбнулся. Одними губами. Глаза остались такими же. Настя почувствовала, что её раздражает эта улыбка. И то, что он стоит слишком близко. И то, что от него пахло чем-то древесным, табачным, но не сигаретами. Как будто он курил когда-то давно и запах въелся в кожу.

«А вы?» спросила она.

«Я здесь по работе».

«Все здесь по работе».

«Не все», сказал он и посмотрел на бухгалтерию. Там уже кто-то танцевал. Кто-то spilled вино на скатерть. Кто-то слишком громко смеялся.

Настя хотела уйти. Не потому что он ей не нравился. Наоборот. Слишком нравился. Это было опасно. Она знала себя. Она умела влюбляться быстро и неудачно. Последний раз это закончилось тем, что она три месяца не могла есть нормально и похудела на семь килограммов. Она не хотела повторения.

«Мне пора», сказала она.

«Куда?»

«Домой».

«У вас нет машины».

Она замерла. Он был прав. Она соврала. И он это знал. Настя поставила бокал на стойку. Рядом с его рукой. Не дотронулась. Но почти.

«Это не ваше дело».

«Согласен».

Он не двинулся. Не попытался остановить. Просто смотрел, как она берёт сумку. Как поправляет платье. Как идёт к выходу. Настя чувствовала его взгляд спиной. Между лопаток. Как будто кто-то приложил холодное стекло.

Она вышла в холл. Села на диван у лифта. Руки дрожали. Она не понимала почему. Ничего не произошло. Разговор на пять минут. Но внутри было так, будто её переехали. Она достала телефон. Лена. Два пропущенных. Настя набрала.

«Ну наконец-то», сказала Лена. «Ты жива?»

«Жива».

«Голос странный».

«Устала».

«Ты никогда не устаёшь. Ты говоришь «устала», когда что-то случилось».

Настя молчала. Лена тоже. Потом:

«Там кто-то есть?»

«Нет».

«Врёшь».

«Лена».

«Ладно. Не хочешь, не говори. Но ты мне потом расскажешь. Всё расскажешь».

Настя сбросила. Она знала, что Лена права. Она всегда всё рассказывала. Рано или поздно. Но не сейчас. Сейчас она хотела просто добраться до номера. Закрыть дверь. Лечь. И не думать.

Номер был на третьем этаже. Маленький, с окном во двор. Кровать, тумбочка, лампа. Настя сняла платье, повесила на спинку стула. Надела футболку. Умылась. Вода была холодной. Она посмотрела на себя в зеркало. Красные щёки. Блестящие глаза. Она не выглядела уставшей. Она выглядела так, будто что-то произошло. Что-то важное.

Она легла. Выключила свет. Закрыла глаза. И услышала его голос. «Знаю». Как будто он знал о ней всё. Как будто она была не первая, не последняя, а просто одна из. Но всё равно.

Она прокручивала этот голос. Его интонацию. Паузу перед словом «знаю». Как будто он решал, сказать ли это вообще.

Она перевернулась на бок. Подушка была слишком мягкой. Она не любила мягкие подушки. Она любила жёсткие, как в детстве, когда спала на раскладушке у бабушки. Она подумала, что нужно встать, попросить другую. Но не встала.

Телефон пискнул. Сообщение от Лены: «я знаю, что ты не спишь». Настя улыбнулась. Написала: «сплю». Лена: «врунья». Настя положила телефон экраном вниз. Закрыла глаза. И снова его голос. «Вы не пьёте». Она не пила. Она вообще мало что делала. Она жила осторожно. Как будто боялась, что если сделает шаг в сторону, то упадёт. А он, кажется, не боялся ничего. Или боялся, но не показывал. Она не могла понять.

Она уснула только под утро. Часа в четыре. Когда за окном уже начинало светлеть. Ей снилось что-то тревожное. Она не запомнила. Только ощущение, что за ней наблюдают.

Утром её разбудил стук в дверь. Она открыла. На пороге стояла администратор. Девушка с бейджем и улыбкой.

«Завтрак до десяти. И ещё, вас просили передать».

Она протянула конверт. Настя взяла. Закрыла дверь. Конверт был плотный, кремовый. Внутри карточка. «Сосновый бор. Ресторан. 12:00. Общее собрание. Присутствие обязательно». Подпись. Директор. Настя выдохнула. Она надеялась уехать утром. Но не вышло.

Она оделась. Джинсы, свитер. Волосы собрала в хвост.

Спустилась вниз. В ресторане уже сидели коллеги. Кто-то с опухшим лицом, кто-то с чашкой кофе. Настя села в углу. Взяла чай. Не ела. Смотрела в окно. Берёзы, мокрые, серые. Как её настроение.

Директор встал. Говорил о квартале, о планах, о новом инвесторе. Настя слушала вполуха. Потом услышала имя.

«Матвей Андреевич».

Она подняла глаза. Он стоял у окна. Тот же костюм. Те же руки. Он не смотрел на неё. Смотрел на директора. Кивнул. Сел. Настя почувствовала, как чай обжигает язык. Она не заметила, как сделала глоток.

«Это он», сказала Лена вечером по телефону. Настя лежала на диване, укрывшись пледом. «Кто?» «Ну тот, из бара. Ты мне не рассказывала, но я поняла». Настя молчала. «Он инвестор. Это плохо». «Почему?» «Потому что ты уже думаешь о нём. Я слышу». Настя сбросила. Лена перезвонила. Настя не взяла. Она смотрела в потолок. Там было пятно. Старое, от протечки. Она знала это пятно пять лет. Оно было похоже на карту. Или на лицо. Она не могла понять.

Она думала о нём. О том, как он стоял. Как смотрел. Как сказал «знаю». Она думала о его руках. О шраме. О запахе. Она думала, что если бы он сейчас позвонил, она бы взяла. Даже если бы не хотела. Даже если бы знала, что это плохо. Она бы взяла.

Телефон зазвонил. Незнакомый номер. Настя смотрела на экран. Долго. Потом взяла. В трубке молчали. Она тоже мол-

чала. Потом он сказал:

«Я знал, что ты возьмёшь».

Она не ответила. Просто слушала его дыхание. И своё. Они дышали в такт. Как будто стояли рядом. Как будто он был здесь, в комнате. Настя закрыла глаза.

«Завтра», сказал он. «В офисе. Я буду ждать».

Он сбросил. Она держала телефон в руке. Долго. Пока экран не погас. Потом встала. Налила воды. Выпила. Не помогла. Внутри было сухо. Как в пустыне. И где-то в глубине, под рёбрами, что-то горело. Медленно. Как стекло, которое плавится. И она знала, что это только начало.

Кофе без сахара

Понедельник начался с дождя. Настя стояла на остановке, под козырьком, смотрела, как капли разбиваются об асфальт. Автобус опоздал на семь минут. Она вошла мокрая, злая, с прилипшими ко лбу волосами. Водитель что-то сказал про пробки. Она не слушала. Смотрела в окно. Город плыл. Люди бежали под зонтами. Кто-то без зонта. Кто-то с газетой над головой. Она подумала, что ненавидит понедельники. Все ненавидят. Но она особенно.

Офис встретил её запахом кофе и мокрых курток. Кондиционер работал на полную, и от этого казалось, что на улице не осень, а зима. Настя прошла к своему столу. Угол у окна, за перегородкой. Никто не видел, чем она занимается. Это было удобно. Она сняла пальто, повесила на спинку стула. Включила компьютер. Экран загорелся, и она уставилась на папку с проектами. Открыла один. Закрыла. Открыла другой. Закрыла.

Кофе. Ей нужен был кофе. Она встала, взяла кружку. Белую, с трещиной у ручки. Любимую. Пошла в кухню. Там уже толпились люди. Кто-то наливал воду, кто-то грел еду, кто-то стоял с телефоном и не двигался. Настя нажала кнопку на кофемашине. Та зажужжала. Запахло жжёными зёрнами. Она не добавляла сахар. Никогда. С детства не любила сладкий кофе. Мать говорила, что это странно. Настя не спо-

рила. Просто пила горький.

Она возвращалась к столу, когда увидела его.

Переговорная. Стеклопанные стены. Он сидел спиной к коридору. Тёмный пиджак. Широкие плечи. Напротив него — директор. Что-то говорил. Матвей кивал. Медленно. Как будто слушал, но не слышал. Настя остановилась. Всего на секунду. Кружка в руке дрогнула. Кофе плеснул на пальцы. Горячо. Она выругалась про себя. Пошла дальше. Не оборачиваясь. Но чувствовала, что он там. За стеклом. И что если обернётся, то пожалеет.

Она села за стол. Вытерла пальцы салфеткой. Открыла файл. Начала работать. Или делала вид. Цифры плыли. Шрифты сливались. Она смотрела на экран, но видела стеклованную стену. И его спину. Он не обернулся ни разу. За два часа. Ни разу. Она знала, потому что проверяла. Каждые пять минут. Незаметно. Как школьница. Это было униженно.

В обед она пошла в столовую. Взяла салат. Села у окна. Ела медленно. Не чувствовала вкуса. Лена написала: «ну как понедельник». Настя ответила: «никак». Лена: «ты странная». Настя: «я всегда странная». Лена: «нет, сегодня особенно». Настя не ответила. Убрала телефон. Посмотрела в окно. Дождь закончился. Небо было серым, но сухим. Она подумала, что надо было остаться дома. Взять отгул. Заболеть. Но не заболела. И не осталась.

После обеда — совещание. Отдел дизайна. Обсуждали но-

вый проект. Настя сидела в углу. Молчала. Её спросили про концепцию. Она ответила. Коротко. По делу. Все кивнули. Она снова замолчала. Думала о том, что в переговорной уже никого нет. Проверила. Через стекло. Пусто. Стол, стулья, стакан с водой. Никого.

К четырём часам она устала. Не от работы. От себя. От того, что каждые пять минут смотрела на дверь. От того, что прислушивалась к шагам. От того, что злилась на себя за это. Она грызла ноготь. Большой палец. Привычка, от которой она не могла избавиться с восьмого класса. Мать ругала. Ле-на ругала. Она сама себя ругала. Но когда нервничала, руки сами тянулись ко рту. Она одёрнула себя. Сжала пальцы в кулак. Посмотрела на часы. Пять. Ещё час. Она дожила.

В пять тридцать он появился.

Настя не слышала шагов. Просто почувствовала. Как будто воздух стал плотнее. Она подняла глаза. Он стоял у её стола. Не у перегородки. Не в проходе. Прямо у стола. Близко. Слишком близко. В руках — шарф. Серый. Мятый. Не её. У неё был чёрный. Вязаный. Бабушкин. Она знала свой шарф. Она носила его три зимы. Он лежал дома. На вешалке. Она точно помнила. Потому что утром думала, взять его или нет. Не взяла. Он остался дома.

«Ты оставила», сказал Матвей.

Голос ровный. Без вопроса. Без сомнения. Настя смотрела на шарф. Потом на него. Потом снова на шарф. Серый. Мягкий. Дорогой. Не её.

«Это не мой», сказала она.

«Твой».

«Я не оставляла шарф. У меня чёрный. Дома».

«Значит, этот тоже твой. Теперь».

Он положил шарф на край стола. Рядом с клавиатурой. Настя смотрела на него. Потом на Матвея. Он не улыбался. Не смотрел по сторонам. Смотрел на неё. Как в баре. Как будто читал. Как будто знал что-то, чего не знала она.

«Зачем вы это делаете?» спросила она.

«Что?»

«Приносите чужие шарфы. Говорите, что знаете меня. Звоните ночью».

«Я не звонил ночью».

«Звонили. С незнакомого номера».

«Это был не я».

Настя замолчала. Он смотрел на неё. Она смотрела на него. Между ними лежал шарф. Серый. Чужой. Она хотела взять его и бросить ему в лицо. Хотела сказать, чтобы он ушёл. Хотела встать и выйти. Но не сделала ничего. Просто сидела. Руки на коленях. Ногти в ладони. Больно.

«Вы врёте», сказала она тихо.

«Возможно».

«Зачем?»

«Потому что хочу, чтобы ты взяла».

Она взяла. Не потому что хотела. Потому что он стоял и смотрел. Потому что если бы она не взяла, он бы не ушёл.

Потому что она не знала, что будет, если он не уйдёт. Шарф был мягкий. Пах чем-то. Не им. Чем-то другим. Древесным. Как в баре. Она сжала его в руке. Как будто это была улика. Как будто это что-то доказывало.

«Хорошо», сказала она. «Взяла. Что дальше?»

«Ничего».

«Тогда зачем?»

«Чтобы ты думала обо мне».

Он сказал это без улыбки. Без игры. Как факт. Как погоду. Как то, что не обсуждается. Настя почувствовала, как краснеет. Снова. Как в баре. Это было уже почти привычно. Почти.

«Я не думаю о вас».

«Думаешь».

«Откуда вы знаете?»

«По глазам».

Она отвернулась. К компьютеру. К экрану. К чему угодно. Только не к нему. Он постоял ещё секунду. Две. Три. Она считала. Потом шаги. Он ушёл. Не попрощался. Не сказал «до завтра». Просто ушёл. Настя сидела. Смотрела в экран. Ничего не видела. Шарф лежал на столе. Она взяла его. Поднесла к лицу. Вдохнула. Запах. Тот же. Древесный. Табачный. Чужой. Она засунула шарф в сумку. Быстро. Как будто прятала. Как будто кто-то мог увидеть.

Домой она ехала на автобусе. Стоя. Прижатая к стеклу. Сумка на плече. Шарф внутри. Она чувствовала его вес. Как

будто он был тяжелее, чем должен быть. Как будто внутри было что-то ещё. Она не проверяла. Не хотела. Дома сняла пальто. Повесила. Достала шарф. Положила на кровать. Села рядом. Смотрела. Серый. Дорогой. Не её. Она взяла телефон. Набрала Лену.

«Он принёс мне шарф».

«Кто?»

«Тот. Из бара. Инвестор».

«Шарф?»

«Да. Сказал, что я оставила. Я не оставляла».

«Ты взяла?»

«Да».

Лена молчала. Долго. Настя слышала, как она дышит. Как открывает холодильник. Как что-то ставит на стол.

«Настя».

«Что?»

«Ты понимаешь, что это странно?»

«Понимаю».

«И всё равно взяла».

«Да».

«Почему?»

Настя посмотрела на шарф. Он лежал на кровати. Как чужой. Как гость. Как что-то, что не должно быть здесь.

«Не знаю», сказала она. «Потому что он смотрел».

«Все смотрят».

«Не так».

Лена вздохнула. Настя знала этот вздох. Он означал «я не буду спорить, но я не согласна». Она слышала его сотни раз.

«Что ты будешь делать?» спросила Лена.

«Ничего».

«Оставишь шарф?»

«Да».

«Почему?»

«Потому что он мой. Теперь».

Лена сбросила. Настя положила телефон. Взяла шарф. Повесила на спинку стула. Как будто он был её. Как будто всегда там висел. Она легла. Закрыла глаза. И снова его голос. «Чтобы ты думала обо мне». Она думала. Весь вечер. Всю ночь. Утром тоже. Шарф висел на стуле. Она смотрела на него, когда пила чай. Когда собиралась. Когда выходила. Она не взяла его. Оставила дома. Но думала о нём. Весь день. На работе. На совещании. В столовой. Она думала о том, зачем он это сделал. Зачем соврал. Зачем вообще подошёл. И не находила ответа. Только чувствовала. Что-то. Под рёбрами. Как будто там застряло стекло. Маленькое. Острое. И оно двигалось. Медленно. С каждым вдохом. С каждым его взглядом. С каждым словом. И она знала, что это только начало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.